

Я.Ю. Ленсу, кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой дизайна Минского института управления

ЭСТЕТИКА ПРЕДМЕТНОГО МИРА В «ОДИССЕЕ» ГОМЕРА

В связи с оживлением в современной эстетике и искусствоведении интереса к вещной среде наблюдается возрастание внимания и к предметному миру прошлого. Это вполне понятно, так как именно в прошлом можно найти богачеший материал для размышления о роли вещи в жизни человека, в его культуре. Полезно это и для студентов, изучающих материально-художественную культуру прошлого и настоящего. В этом плане большой интерес представляет предметный мир Древней Греции, так как именно в ее культуре, как и Древнего Рима, находятся истоки европейской цивилизации [1, с.80].

До нас дошло довольно значительное количество памятников материально-художественной культуры Древней Греции, по которым мы можем получить представление о предметной среде, окружавшей человека в то время. Однако интересно также и то, как же человек относился тогда к предметному миру, какие он порождал у человека чувства. И тут на помощь приходит древняя литература. Именно здесь можно найти отголоски чувств человека античности, в частности чувств, вызываемых предметным миром. Настоящим кладом в этом отношении является «Одиссея» Гомера, отразившая многие стороны жизни людей Древней Греции.

Итак, обратимся к тексту поэмы. Описание предметного мира, вещей, сопутствующих героям «Одиссеи», занимает у Гомера довольно большое место. И в первую очередь бросается в глаза, что для грека времен античности большое значение имел материал, из которого сделана вещь. Особое внимание уделялось металлам как материалам, придающим предмету эстетическую ценность. Причем очень высоко оценивались не только золото и серебро, но также железо, бронза (медь). Это не случайно, так как сложение гомеровского эпоса происходило в IX–VI вв. до н. э., в эпоху перехода от бронзы к железу, когда последнее только начинало применяться

при изготовлении предметов, а первая еще не потеряла своего значения. Специфика этого переходного периода отразилась в обоих знаменитых произведениях Гомера – и в «Одиссее», и в «Илиаде». Как заметил известный российский историк и археолог Б.Н. Граков, в «Илиаде» железное оружие упоминается среди бронзового только два раза, в «Одиссее» же оно встречается уже гораздо чаще, но бронзовые вещи продолжают фигурировать и здесь [2, с.5].

Естественно, недавно начавший использоваться металл ценился очень высоко. Отношение древних греков к железу прекрасно иллюстрирует один эпитет, использованный автором «Одиссеи»: для определения величия неба, где обитают боги, применено определение «железный» (XVII, 565). [Здесь и далее римскими цифрами обозначается номер песни, арабскими – номер стиха]. Для современного человека сочетание «железное небо» звучит довольно странно, потому что у нас иное, нежели у греков, отношение к этому металлу. Сегодня железо не редкость, поэтому современный поэт, чтобы выразить свое трепетное отношение к значительности небесного свода не будет его сравнивать с чем-то железным. У греков же восприятие железа другое – для них это выражение богатства и величия. Поэтому в представлении современников автора «Одиссеи» эпитет «железное» вполне оправдан.

То, что изделия из железа древними эллинами ценились очень высоко, на уровне золотых, подтверждает и другой пример из текста поэмы:

«... Все драгоценности были хранимы: золото, медь и железная утварь чудесной работы» (XXI, 9–10) [3].

Из этой цитаты мы также видим, что, хотя и появился новый металл, высоко ценимый древними греками, но изделия из бронзы (меди) не потеряли своей ценности, они, как и железные, и золотые, оставались в представлении древних греков драгоценными. То, что железо и медь в Древней Греции были примерно равноценными подтверждает место из поэмы, где Афина Паллада является к сыну Одиссея Телемаку в виде сына царя Анхиала Ментеса, мотивируя свое появление в Итаке желанием «меди добыть, на нее обменявшись

блестящим железом» (I, 180). Афина меняет железные вещи на медные как равнозначные.

Как мы уже отмечали, металлам, изделиям из металлов в поэме вообще отводится значительное место. Обладание металлическими вещами – признак богатства и силы. И из всех металлов древние греки преимущество отдают все же золоту. Оно вообще как бы является критерием прекрасного. Зачастую слово «золотой» применяется не для обозначения этого металла, а как признак красоты, необычайности, божественности. Так, чтобы изобразить прекрасный облик богини Афины применяется определение «золотая Киприда» (XVIII, 342). Волшебная обувь Афины также золотая:

«...она привязала к ногам золотые подошвы, Амброзиальные, всюду ее над водой и над твердым

Лоном земли беспредельных легким носящие ветром» (I, 94 -95).

Большую роль золото играет в оформлении обряда жертвоприношения богам. Золотом покрывались рога животных, приносимых в жертву (III, 432–438).

Вместе с серебром золото является показателем пышности и красоты убранства жилища:

«...К каждому креслам другая серебряный чудной работы

Стол пододвинула с хлебом в золотых драгоценных корзинах,

Третью смешала в кратере серебряной воду с медвяным,

Сладким вином; на столы же поставила кубки золотые.

... она к серебровозным, богатым

Креслам меня проводила...

Тут принесла на лохани серебряной руки
умыть мне

Полный студеной воды золотой рукомоиник рабыня» (X, 354–369).

Характерно, что для того, чтобы показать невиданное богатство и блеск интерьера, автор «Одиссеи» описывает архитектурные детали, сделанные из металлов. Например, в палатах царя Алкиноя медные стены, увенчанные карнизом лазоревой стали, двери литые из чистого золота, притолоки из серебра, медный порог. Вот для грека античности – идеал роскошного дворца.

Вообще, прекрасный предмет мыслится обязательно украшенным дорогими металлами. Когда Одиссей делал свою знаменитую кровать, созданием которой он по праву гордился, заключительным этапом работы было то, что царь Итаки богато украсил ее золотом и серебром (XXII, 200).

Для древних греков высшее мастерство умелого мастера, который «чудесами искусства людей изумляет», это «облекание серебра сияющим златом». Гомер повторяет эти слова дважды: первый раз в песне VI, стих 232–234, второй – в песне XXIII, стих 159–161. Это показывает, с каким уважением и восхищением относились в древней Элладе к искусству художественной обработки благородных металлов.

В приведенных выше словах: «чудесами искусства людей изумляет», – проявилась вообще высокая оценка автором «Одиссеи» труда мастера, создающего материальные объекты, имеющие также художественную ценность. Не случайно мастер по ковке металлов в поэме называется то художником, то «злагокудесником» (III, 432–438). Мастер, обладающий художественным даром, мыслится как избранник богов, «девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном деле своем» (XXIII, 160). Искусные фракийские ткачихи научены мастерству самой Афины (VII, 110–111). Ко всему прочему боги греков были не просто покровителями ремесел – так, бог Гефест сам был кузнецом, великолепным мастером. Изготовление наиболее искусно сработанных вещей в «Одиссее» приписывается именно Гефесту (IV, 613–617; VII, 92; XV, 114–117).

Очень ярко в поэме отражается также восхищение, которое вызывали у людей Древней Греции изделия, выполняемые умелым мастером. Например, дочь Арибаса так рассказывает о том, какое впечатление оказало на ее домашних принесенное вестником прекрасное ожерелье:

«В дом он отца моего дорогое принес ожерелье:
Крупный электрон, оправленный в золото с
чудесным искусством;

Тем ожерельем моя благородная мать и ра-
быни

Все любовались; оно по рукам их ходило
и цену

Разную все предлагали...» (XV, 459–464).

Всех приводила в изумление и золотая
бляха искусной работы на мантии Одиссея
(XIX, 226–232). Древние греки понимали и
умели ценить искусство настоящего мастера.
Царь Менелай среди несметных сокровищ,
которыми обладает, самым редким и лучшим
называет пиршественную кратеру, которую он
ценит за искусство, с которым ее создал луч-
ший из мастеров, Гефест (IV, 613–617).

Что же больше всего поражало людей античности в изделиях декоративно-прикладного искусства? Оказывается, живость изображения конкретных сцен из реальной жизни, которые мастера в то время наносили на изделия. Это, например, ясно из описания упомянутой выше бляхи Одиссея:

«... золотую прекрасной с двойными
крючками

Бляхой держалась мантия; мастер на бляхе
искусно

Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял; как живая она трепетала;
и страшно

Пес на нее разъяренный глядел, и, из лап
порываясь

Выдраться, билась ногами она: в изумленье
та бляха

Всех приводила» (XIX, 226–232).

То же самое мы видим при описании перевязи Геракла. Она снабжена поражающими реальностью изображениями людей и животных, и именно живость изображений признается высшим достижением мастерства художника:

«... страшный

Перевязь блеск издавала, ему поперек пере-
резав

Грудь золотистым ремнем, на котором с
чудесным искусством

Львы грозноokie, дикие вепри, лесные
медведи,

Битвы, убийства, людей истребленье изваяны
были;

Тот, кто свершил бы подобное чудо искусства,
не мог бы,

Сам превзошедши себя, ничего уж создать
совершенней» (XI, 608–614).

Конечно, подобными сложными изображениями наделялись изделия из драгоценных материалов, предназначенные для высших классов античного общества. Богато оформлялись также изделия, имевшие культовое

назначение. Чтобы доставить своим богам приятное, задобрить их, люди пытались как можно красивее и пышнее обставить религиозный обряд. Например, как мы уже отмечали, рога животных, приносимых в жертву богам, покрывались золотом. А с каким старанием мастер занимался этой процедурой!

«... Тут художнику Нестор, коней обуздатель, Золота чистого дал; оковал им рога он телицы, Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине» (III, 436–438).

Интересно описание инструментов, которые мастер использовал в своей работе:

«... явился и златокудесник,
Нужный дляковки металлов принесши
снаряд: наковальню,
Молот, клещи драгоценной отделки и все,
чем обычно

Дело свое совершал он...» (III, 433–435).

Как видим,ковка золота, связанная с религиозным культом, осуществлялась не простым инструментом, а специально богато, красиво оформленным. (Клещи не обыкновенные, а «драгоценной отделки».) В этом тоже проявилось уважение к богине, которой совершалось жертвоприношение.

Далее, в другом месте поэмы, упоминая кувшин для культовых возлияний, автор отмечает, что этот кувшин был «редкой работы» (IV, 591–592). Вообще надо отметить стремление древних греков украшать религиозный обряд красочным оформлением. Например, при жертвоприношении руки моются в лохани, обложенной цветами (III, 440).

Итак, красота в предметном окружении древних греков играла большую роль. Красивые, искусно выполненные вещи высоко ценились и были объектами восхищения. Однако все упоминавшиеся выше изделия, описанные в «Одиссее», очень дорогие, редкие, драгоценные. А как относились древние греки к изделиям повседневного обихода, вещам утилитарного назначения, лишенным декора? Были ли люди античности безразличны к эстетическим качествам их формы? Судя по тексту «Одиссеи», уже тогда они чувствовали и понимали красоту функциональной формы, даже лишенной украшений.

С каким явным восхищением описывает Гомер рациональную форму топора, который принесла Калипсо Одиссею для постройки корабля:

«Выбрала прежде топор, по руке ему сделанный, крепкий,
Медный, с обеих сторон изошренный, насаженный плотно,
С ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой» (V, 234–236).

Здесь эстетическим объектом становятся такие качества формы предмета, как крепость его изготовления, острая заточка, плотная насадка ручки, ее ловкая форма.

Далее, отметим, что для древних греков прекрасной представлялась не только украшенная поверхность предмета, но и идеально гладко обработанная. При ремесленном способе производства это была задача не из легких. Видимо, поэтому гладкая поверхность у людей античности и вызывала такое восхищение.

«Вышел из спальни, он сел на обтесанных,
гладких, широких
Камях, у двери высокой служивших седалищем,
белых,
Ярко сиявших, как будто намазанных маслом...» (III, 406–408).

Или в другом месте:
«... прислоняся к дубовой
Притолке (выскоблил острою скобелю плотник
искусный
Гладко ее, наперед топором по шнуру обтесавши)» (XVII, 339–341).

Кроме того, прилагательное «гладкий» часто встречается в тексте поэмы как характеристика совершенства формы предмета. Например, «гладкие весла» (VI, 269), «гладкий стол» (VII, 174), «гладкие кресла и стулья» (XVIII, 179), «гладкие стены палаты» (XIX, 37).

Особое место в поэме занимает описание кораблей и воспевание кораблестроительного искусства. Именно искусством считает Гомер создание корабля, «корабельным искусством», как звучит это в русском переводе В. А. Жуковского (V, 250). Сами корабли с восхищением именуются то «быстроходными, пурпурногрудыми» (XI, 124–125), то «крутобокими» (I, 207). Корабельные весла наделяются определениями «могучие» (IV, 580; VIII, 180), «гладкие» (VI, 269; XII, 15). Кораблестроители называются «искусниками»

опытными в хитром строении крепких судов» (IX, 126–127). В корабельном искусстве Гомера восхищает именно красота целесообразности и рациональности создаваемых конструкций, красота процесса возведения могучих и величавых строений. В этом отношении примечательно описание строительства Одиссеем корабля, на котором он отправился с острова Калипсо к себе на родину:

«Начал рубить деревья и скоро окончил работу;
Двадцать он бревен срубил, очистил их
острою медью

Выскоблил гладко, потом уравнил, по шнуру
обтесавши.

Тою порою Калипсо к нему с буравом воз-
вратилась.

Начал буравить он брусья и, все пробуравив,
сплотил их,

Длинными болтами сшив и большими про-
сунув шипами;

Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое
Муж, в корабельном художестве опытный,
строит на прочном

Судне, носящем товары купцов по морям бес-
предельным.

Плотными брусьями крепкие ребра связав,
напоследок

В гладкую палубу сбил он дубовые толстые
доски,

Мачту поставил, на ней утвердил попереч-
ную райну,

Сделал кормило, дабы управлять поворо-
тами судна,

Плот окружил для защиты от моря плетнем
из раkitных

Сучьев, на дно же различного грузу для
тяжести бросил» (V, 243–258).

С большой точностью и знанием дела автор поэмы подробно описывает процесс постройки корабля. И в этом описании чувствуется восторг перед красотой трудового процесса, перед красотой создаваемой конструкции.

Таким образом, мы видим, что жители Древней Греции, создатели неповторимых произведений скульптуры, архитектуры, вазописи не ограничивали свои эстетические представления лишь высокими видами искусства. Они чувствовали и ценили красоту предметного мира, окружавшего человека в быту, понимали красоту рациональности объектов техники, красоту материалов, красоту функциональных, ловко сделанных орудий труда; большое значение они придавали декоративно-прикладному искусству. Этот вывод очень важен для получения целостного представления о духовном мире человека античности, о его художественных вкусах, визуальной культуре, а следовательно, для изучения проблемы восприятия и формирования человеком своей предметной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колпинский, Ю.Д. О месте античного художественного наследия в мировой культуре / Ю.Д. Колпинский // История и культура античного мира. – М., 1977.
2. Граков, Б.Н. Ранний железный век / Б.Н. Граков. – М., 1977.
3. Все выдержки из текста «Одиссеи» приводятся в переводе В.А. Жуковского по изданию: Жуковский, В.А. Полн. собр. соч. – СПб., 1906. – Т.2.

РЕЗЮМЕ

В статье исследуется эстетика предметного мира, отраженного в поэме Гомера «Одиссея». На этой основе рассматривается отношение древних греков к предметной среде, к искусству формирования предметного мира. Показывается, какие эстетические чувства вызывали у жителей античности красивые вещи, обладающие рациональной конструкцией, украшенные замысловатым декором. Обосновывается вывод о том, что древние греки чувствовали и ценили красоту предметного мира, окружавшего человека в быту, красоту ловко сделанных орудий труда, большое значение придавали декоративно-прикладному искусству.